

тель размышлял, и я воздерживался от вопросов, осмысливая — уж в который раз! — необычный путь Чингиза Айтматова в жизни и литературе. Даже вот этот переход от Нью-Йорка до Фрунзе, от выступления в специальном комитете ООН до письма читательницы, а от столицы республики — до родного аила Шенер, где он только что побывал, поведая родных и знакомых...

Рассматривая фотографии: они по-своему передают значимость писателя, его социальные и международные связи. С Луи Арагоном, Уильямом Сарояном, Ла Гумой, Микеланджело Антониони, который прилетал во Фрунзе, с Кайсыном Кулиевым, с шекерскими земляками, где копна черных волос Чингиза рельефно выделяется на фоне больших, пышных, белых головных уборов женщин. С братом Ильгизом, известным ученым, о котором писатель сказал: «Я горжусь им». Когда Ильгизу исполнилось пятнадцать лет, он, по представлению общего собрания колхоза «Джиде», был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». С Болотом Шамшиевым, его давним соратником по кинематографии. С сестрой отца Гуляйим Айтматовой. Фото — эпиграфы к написанному, возмужавшему, задуманному.

Чингиза назначили секретарем сельсовета, когда ему было четырнадцать лет. «Если в детстве я познал жизнь с ее поэтической, светлой стороны, то теперь она предстала передо мной в своем суровом, обнаженном, горестном и героическом обличье. Я увидел свой народ в момент наивысшей опасности для Родины, в момент наивысшего напряжения духовных и физических сил. Я вынужден был, обязан был видеть это — я знал каждую семью на территории сельсовета, знал каждого члена семьи, знал наперечет немудреное хозяйство всех дворов. Я узнал жизнь с разных сторон, в разных ее проявлениях».

Страницы народного бытия, составившие потом повесть, принесили автору всесоюзную и мировую известность. «Ран-

ры!» писателя Айтматова. После толстовского «Холстомера» я не знаю другого произведения, в котором была бы с такой естественной полнотой передана извечная связь человека с животными, танущими ламку жизни в единой упряжке. Танабай Бакасов, святой и грешный человек, что называется, прикипел к своему иноходцу. И переживания выданы им полной пригоршней. И старятся одновременно, каждый по-своему, но вместе.

У художника Айтматова нет человека в одиночестве: он всегда окружен природой, всегда в общении с животным и растительным миром, среди гор, рек, долин, на возделываемых полях. Он любит народные предания, легенды, песни, старинные мудрые изречения и смело вводит их в ткань повествования. И слово у него прорастает побегом мысли.

Писатель активно вторгается в духовный мир современника, подсказывает ему порой трудные решения в нравственной сфере, в общественной деятельности. Много поучительного находят для себя в повестях Айтматова люди самых различных возрастов и профессий. Вспомним, как табунщика Бакасова не пожелал принять секретарь райкома и он направился сдавать партийный билет скончавшегося коммуниста Чоро в сектор учета. Протянул его в окошко. Дали расписаться. До свидания. Окошечко захлопнулось...

Формально все исполнено. А человеческое, партийное отключено начисто. Совесть не мирится с таким исходом, она не терпит такого отношения. У Айтматова — настоящий переплет жизненных коллизий, знакомых с которыми читатель непременно задается вопросами: а я-то как поступил бы в таких случаях? А я-то кто? Как же я сам до этого не додумался? Это и есть воздействие художественного слова, о чем Айтматов говорит: «Литература должна самоотверженно нести свой крест — вторгаться в сложности жизни, с тем чтобы человек знал, любил, тревожился за все доброе, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе. В этом я вижу истинное назначение искусства».

тельные звуки и знаи. Языковое строительство завершлось лишь в январе 1941 года, когда латинизированный алфавит был заменен новым, основанным на русской графике. Писатель Айтматов вырос на этой языковой почве, оказавшейся благодатной.

Чингиз Айтматов — писатель двуязычный, в совершенстве владеющий и киргизским, и русским. «Для меня русский язык не в меньшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь». И вспоминает, как в пятилетнем возрасте перевел одною товарищу, прибывшему в аил, с киргизского на русский. И в настоящее время он предпочитает переводить сам, и многим его произведениям предпослано примечание — «Перевод автора». Ах, побольше бы таких переводов!

В творчестве писателя Айтматова заметны два потока-побратима: дописменное, устное творчество киргизского народа и русская классическая и советская литература. Возьмем первое: дело не в одном национальном колорите — им может играть, как побрякушками, и самый настоящий дилетант, набивший руку на псевдопереводах с поданного подстрочника. К несчастью, есть у нас переводчики, которые всю жизнь слышат таковыми, так и не изучив язык оригинала. Айтматов — образцовый переводчик, и, право, стоит писателей других национальностей, тоже владеющих русским, призвать, попросить не прибегать без особой нужды к посредникам. Правда, переводить себя — вроде бы лишний труд, но как он окупается, как ценится благодарным читателем!

Когда я спросил, чем увлечен вот сейчас, что лежит на столе, что пишется, то услышал не совсем определенное: не знаю, как точно назвать — повестью или романом, но вещь будет сложная. Обдумываю. Жду нового утра, когда мне лучше работается...

А о редакторской работе говорил свободнее, увереннее. Под его редакцией выходит эпос киргизского народа «Манас» в четырех томах — наиболее полное издание этого великого произведения. Он знал покойного Саякбая Каралаева, читавшего наизусть сотни тысяч, если не миллион строк эпоса, превосходящего по объему все известные миру эпосы, включая «Илиаду» и «Одиссею». Однажды со знаменитым сказителем «Манаса» Чингиз прибыл в колхоз, расположенный в Чуйской долине. Клуб не мог вместить всех, желающих послушать исполнителя. Решили, что Каралаев выступит прямо на улице. Слушатели расположились на земле, в кузовах грузовых автомобилей, верхом на лошадях. И вдруг нагрянувшая грозная туча разразилась ливнем. Каралаев не прекратил своего чтения, и ни один человек не ушел: люди слушали «Манас» под проливным дождем.

А Дженижок? Поэт конца XIX века. Никогда не издавался. Борец, обличитель корыстолюбивых баев, тонкий лирик, философ, защитник простого народа. В скором времени выйдет томик Дженижока (Безруканного) под редакцией Айтматова и с его предисловием. Я попросил Чингиза Торекуловича дать несколько строк поэта, мало кому известного за пределами Киргизии. На другой день получил «Стихи, оставленные в переметной суме». Привожу их:

Вот и жизнь уж позади.
Не вернешь ее,
как речу вспять,
не вернешь.
И если на жертвенном холме,
Принесла даже верблюда
в подарок небесам,
На колени встанешь,
чтобы снова жизнь
начать —
Все равно тебя никто
не услышит.
Но не о том моя печаль...
Не велик мой
киргизский народ —
Как отметина белая
на конском лбу.
По пальцам могу перечистить,
Кто среди нас
умеет читать и писать.
Так кому же оставлю я
Богатство свое —
стихи в переметной суме?..
Сейчас есть кому оставить
в наследие духовное богатство!

Киргизия обновленная, социалистическая, равная среди равных — ее изображают стройной девушкой в красной козынке, с книгой на фоне заснеженных гор Киргизия с неисчислимым запасом доброго человеческого таланта, идущая рука об руку со всеми нами, радующая всех нас.

11 АВГ. 1982

Литературная газета
г. Москва

ПЕРВЫЙ ломтик от каравая беседы... американские впечатления. Несколько неожиданно, так как мы сидим в здании Союза кинематографистов Киргизии в столице республики и, казалось бы, естественнее начать разговор о чем-то местном, более близком. Но Чингиз Торекулович Айтматов недавно возвратился из Соединенных Штатов, где в качестве почетного гостя выступал на заседании специального комитета ООН по проблемам борьбы с расовой дискриминацией в Южной Африке. Высказал недоумение: США не были представлены на заседании деятелями культуры.

В этом почтенном собрании советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР говорил о том, что надо создать атмосферу всеобщего осуждения расизма как уродливого явления современности. Нельзя оставаться равнодушным, следует вторгаться, ибо это не только и не столько «внутреннее дело» властей Претории, а проблема общечеловеческая.

Его пригласили выступить по американской тихоокеанской радиостанции «Пасифик». И тут он повторил и развил ранее высказанные мысли: что в истории человечества бывают временные, нездоровые периоды, когда как-то терпится нетерпимое, а теперь расовая дискриминация должна исчезнуть хотя бы уже потому, что она препятствует нормальному общению людей на Земле. Не может долго держаться система, приносящая страдания миллионам людей, ее нельзя ничем спасти, а тем более увековечить.

Так он «вторгся» с этой проблемой не только в Южную Африку, но и в американское общество. В специальном комитете международной организации советский оратор получил полную поддержку, а радиослушатели, которые по ходу выступления имели возможность задавать вопросы, принимали своего рода «контрнаступление», спрашивая о положении «нацменьшинств» в Советском Союзе. Ясно, что прием не нов — с большой головой на здоровую взваливать научились многие. Но все же надо было спокойно объяснить. И он сказал: «Я как представитель — придерживаясь заданной терминологии — нацменьшинства, в данном случае — киргизского народа, никак не чувствую своего «меньшинства». Посудите сами: мои книги выходят в нашей стране огромными тиражами, и в этом я, пожалуй, не то что «отстаю», а, наоборот, «обгоняю» моих русских, украинских коллег, писателей из других братских республик. За последние пять лет мои произведения выходили в девяносто зарубежных издательствах».

Подключения-вопросы так и сыпались. Один слушатель спросил: непонятно, что происходит в области культурного обмена между нашими странами? Когда-то у нас гастролировал ваш великолепный Большой театр, приезжали виртуозы-скрипачи, пианисты, певцы. Теперь все затормозилось. Восстановится ли прежнее положение?

Ч. Айтматов говорит уже мне, поясняя: видите, как сама жизнь часто заставляет писателя обращаться к проблемам, которые, вообще-то говоря, не входят в его чисто художественные задачи. В США я выступал как публицист, пропагандист, подчеркивая, что советская национальная политика — крупнейшая новация нашего столетия. Я принадлежу к числу откликающихся на злободневные события. Вмешиваюсь

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Николай
ХОХЛОВ

«НАЧАЛО ДНЕЙ

НАШИХ — ОКТЯБРЬ...»

Размышления о творчестве Чингиза АЙТМАТОВА

всегда — что-то поддерживая, а что-то отрицая, критикуя. Возможно, что, поступая таким образом, я возвращаюсь к журналистике — ведь это ее хлеб. Но не столь уж важно, кем меня сочтут — писателем или газетчиком, но я сказал свое слово.

Чингиз Торекулович роется в письмах, лежащих паками на столе, выбирает одно из них, только что полученное, и подает мне. Автору пишет молодая девушка. Она прочитала некоторые произведения Айтматова. Интересная читательница. Приводит такое сравнение: принимаясь за чтение новой вещи, всегда волнуешься — получилась ли она у писателя? Точно так же, когда идешь на новый фильм. Все вроде сулит успех: актеры подобраны хорошие, да и рецензии появились, что называется, положительные. Входишь в зал, смотришь ленту, а на душе какое-то подозрительное спокойствие. Ничто не взволновало. Неудовлетворенность. А вот в повествованиях Айтматова этого чувства нет: ждешь правды — и получаешь ее! Всегда считала себя уравновешенной, верила, что сентиментальность порой мешает. А читая вашу вещь, заплакала. Задумалась: а что оставишь детям, если жить исполнили, чувствовать — тоже, вяло возмущаться, пристроиться к общности, смириться с мелкой суетой будней? Разве можно забыть, что мы, ныне молодые, скоро станем старшими на этой Земле? Конеч: «Вы перевернули все в моем сознании. Теперь я все воспринимаю иначе, лучше».

Возмущенность читательницы передалась ему, и мы понимающе помолчали. Писа-

ние журавли» посвящены сыну Аскару. Целеустремленный, отважный юноша Султанмурат формирует свой характер, вырабатывает нравственные принципы в тяжелые военные дни, в работе на колхозном поле, поле жизни, в пору парения ранних журавлей, поднятых народным бедствием. Ополенность войной, грохотающей вдалеке от Киргизии, но близкой, задевшей каждую семью, изумительно точно передана в повестях «Лицом к лицу», «Материнское поле», «Джамбия»... В аилах оставались стар да мал: их и воссоздает писатель. Фронтовики, вернувшись инвалидами и ставших председателями колхозов и сельсоветов. Так было. Суровое время подгоняло подростков, делало их не по возрасту зрелыми, взваливало на их еще неокрепшие плечи большие задачи. Воспитательное значение повестей Айтматова огромно. Лететь крыло в крыло — его выражение. Добавлю, что и сам он летит крыло в крыло с веком, с проблемами современности.

...А послужный список юного Чингиза обзаводился новыми графами: агент райфо, собиравший налоги с населения. Мученик в такой должности, в такое время. Были неприятности, когда самовольно бросил эту работу. Пошел учетчиком тракторной бригады на уборке урожая. А в 1946 году, окончив восемь классов, поступил в Джамбулский зоотехникум. Производственную практику проходил в родном аиле. Работал зоотехником после окончания Киргизского сельскохозяйственного института. Думается: не будь ветеринара Айтматова, не было бы и повести «Прощай, Гульса-

Он говорит о трудной судьбе доброты, когда цивилизация бьет в колокола тревоги, когда расширяется и углубляется сражение за наши нравственные высоты, наши идеалы и возвышенные цели. «Боль исканий» — его слова. Он, возможно, умышленно не отметил радость поисков, да ведь это чувство знакомо каждому творцу. А вот обратная сторона — боль, страдание, переживания — доступна лишь большому художнику-мыслителю.

Он — прозаик по всей своей сути, прозаик до мозга костей. Нет, он не писал стихов, и ему не приходилось переходить из одного разряда в другой: состоит в одном — прозаик. Для него проза — средоточие художественной мысли века. Отдает дань увлеченности кинесценариям, перерабатывая сам или с товарищами для экрана свои произведения, чтобы потом призвать: «Проза несравненно богаче». И кино — явление сравнительно новое для республики: недавно отметили сорокалетие киргизского кинематографа.

Да что там кино: сам киргизский язык, как письменный, появился лишь после Великого Октября. Он прорастал сквозь реформы. И если кино, до появления звукового, именовали «великий немой», то киргизский язык можно было отнести к великому говоруну. И — только письменности не существовало. Грамотные киргизы — их можно было сосчитать десятками — пользовались арабским алфавитом. Распространенная до революции книга Молдо Кылыча «Кысса-и-зилзала» («Повествование о землетрясении») содержала лишь четверть киргизских слов. Чтобы приблизить написание к киргизскому произношению, в алфавит вводили дополни-